

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В. П. БОГДАНОВ

«КРАПИВЕННОЕ СЕМЯ»

ЧИНОВНИЧЕСТВО И РОССИЙСКАЯ САМОРЕФЛЕКСИЯ

Рассматривая образы чиновников в русской литературе XVIII – начала XX в., автор пытается проследить исторические истоки негативного отношения русского общества к служителям государства. В статье формулируется вывод о том, что чиновники необходимы для отечественной картины мира, поскольку именно на них народ списывает собственные негативные качества.

Ключевые слова: чиновничество, бюрократия, русская литература.

«Настоящий мужчина состоит из мужа и чина».
А. П. Чехов

Ругать злоупотребления чиновников – национальная русская черта¹. Эта категория населения, начавшая формироваться еще в XVIII–XIX вв., превратилась в главный механизм правительственной политики и в обширный социальный слой². Многочисленные прозвища, зафиксированные классической литературой и народными поговорками (крючкотворы, мздоимцы, взяточники), это подтверждают. Причем сам термин «крапивное семя»³ имеет двоякое значение. Во-первых, это явный намек на большое количество чиновников. Известно, что крапива – трава, которая необычайно легко распространяется. Во-вторых, «крапивником» называли пригульного ребенка, незаконнорожденного⁴. Называя «крапивным семенем» чиновников, люди XVIII–XX вв. подчеркивали, что те являются чем-то чуждым, не имеющим корней.

Рассмотрим образ чиновника в русской классической литературе. До Октябрьской революции (а в значительной степени даже в советское время) литература осуществляла не только образно-эстетическое отражение действительности, но познание и осмысление ее, совмещая в себе

---

¹ См., напр.: Взятка как способ существования // Санкт-Петербургские ведомости. 13.03.2009. Вып. № 044.

² *Троицкий*. 1974. С. 3.

³ Этот термин фигурирует в рассказе И. С. Тургенева (написан в 1875 г.), в романе А. И. Эргеля «Гарденины» (впервые издан в 1889 г.), в работе Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли» (1-й том вышел в 1914 г.).

⁴ См., напр.: «Крапивник – пригульный ребенок» (*Даль*. 1881. С. 185).

функции и философии, и гуманитарного знания вообще⁵. В историографии до сих пор нет однозначного решения вопроса в пользу привлечения литературных произведений как исторических источников⁶. Один из аргументов против их привлечения состоит в том, что они якобы не дают системную информацию. Б. Н. Миронов высказал предположение, что писатели ... **намеренно преувеличивали недостатки русской бюрократии** (выделение автора – *В. Б.*) по той простой причине, что их цель, ... состояла в том, чтобы опорочить ее и косвенно дискредитировать верховную власть»⁷. Для доказательства правомочности использования произведений художественной литературы в качестве исторических источников следует на их основе рассмотреть некую систему. Таковой была (применительно к нашей теме) табель о рангах.

Чиновничьи образы будут рассмотрены не только по рангам, но и по хронологическому принципу. В некоторых случаях литературные произведения имеют конкретные временные привязки (как, например, большинство романов Тургенева). Если действие происходит в современное описанию время, то в скобках рядом с названием произведения будут указаны даты его написания. Сопоставление литературных произведений с историографическими наработками проведено по наиболее авторитетным исследованиям: книге П. А. Зайончковского⁸, рассматривающей на основе большого источникового комплекса бюрократический аппарат Российской империи в XIX в., и Ю. А. Федосюка⁹, анализирующей литературные произведения в контексте эпохи, в которой они были созданы, а также фундаментального исследования Б. Н. Миронова по социальной истории России¹⁰. В методологическом плане существенную помощь оказали наблюдения Е. Н. Цимбаевой¹¹.

* * *

---

⁵ Кондаков. 1997; Зарубина. 2003. С. 101.

⁶ В этом плане примечательно следующее замечание А. К. Соколова: «Признавалось, что в любом художественном произведении содержится некая доэстетическая данность из области политики, экономики, социальной жизни, но считалось, что под воздействием художественных приемов она настолько деформируется, что перестает быть источником для научно-исторических исследований. В среде профессиональных историков... сложился взгляд, что история – это одно, а искусство – совсем другое». Соколов. 2004. С. 360.

⁷ Миронов. 1999. Т. 2. С. 173.

⁸ Зайончковский. 1978.

⁹ Федосюк. 2001.

¹⁰ Миронов. 1999.

¹¹ Цимбаева. 2005.

Как правило, начинавший с нуля чиновник, не связанный родством и свойством с кем-либо из вышестоящих, не мог мечтать о занятии высоких должностей. Потомственным дворянам было гораздо проще. Например, герой романа «Анна Каренина» князь Стива Облонский «родился в среде тех людей, которые были и стали сильными мира сего. Одна треть государственных людей, стариков, были приятелями его отца и знали его в рубашке; другая треть были с ним на «ты», а третья треть были хорошие знакомые; следовательно, раздаватели земных благ в виде мест, аренд, концессий и тому подобного все были ему приятелями... Ему бы смешно показалось, если б ему сказали, что он не получит места с тем жалованием, которое ему было нужно...» [Толстой Л. Н. Анна Каренина. Т. I. Ч. 1. Гл. 5]. Использование родственных связей «в те времена считалось не позором, а важной привилегией дворянства, завоеванной для них поколениями предков»¹³. Между Молчалиным и Фамусовым «Горя от ума» (1824 г.) А. С. Грибоедова, как и между Башмачкиным и «значительным лицом» в «Шинели» (1839 г.) Н. В. Гоголя лежит огромная пропасть. Различие заключается в том, что крупные чиновники – это потомственные дворяне. Даже в 1903 г., на заре имперской России 100% губернаторов и 93,7% вице-губернаторов были потомственными дворянами. 60,4% председателей казенных палат, 60,9% управляющих акцизными сборами и 100% председателей судебных палат и окружных судов происходили из потомственных дворян¹⁴.

В то же время между крупными и мелкими чиновниками нет непроходимой грани. Теоретически дорога в высшие бюрократические эшелоны открыта всем. Конечно, многие чиновники и не стремились к продвижению, оставаясь в одних и тех же чинах всю жизнь, но служебная лестница была реальной возможностью для большинства достичь того, что меньшинство имело по рождению (имеется в виду дворянское звание и вытекающие отсюда привилегии). Так, помещица Уланбекова в пьесе Островского «Воспитанница» (писалась в 1855–1858 гг.), мечтающая, чтобы сын ее стал военным, сокрушается, что, окончив университет, он получит мелкий гражданский чин: «Когда он окончит курс, ему дадут такой же чин, какой дают приказным из поповичей! На что это похоже? В военной службе, особенно в кавалерии, все чины благородны; даже юнкер – уж сейчас видно, что из дворян. А что такое гу-

---

¹² Ссылки на литературные произведения даются за цитатой в скобках с указанием части и главы или действия и явления. В случае больших глав будет принята следующая система конкретизации: нач. (начало), сер. (середина), кон. (конец).

¹³ Цимбаева. 2005. С. 30.

¹⁴ Зайончковский. 1978. С. 213–220.

бернский секретарь или титулярный советник? Всякий может быть титулярным советником, и купец, и семинарист, и мещанин, пожалуй» [*Островский А. Н.* Воспитанница. II, 3].

Прежде чем получить чин, нужно было прослужить на низших канцелярских должностях. Канцелярские служители первого разряда (дети потомственных дворян) получали классный чин через 2 года, второго (дети личных дворян, купцов 1-й гильдии и духовенства) – через 4 года, третьего (дети «приказнослужителей», купцов 2-й и 3-й гильдии) – через 5 лет, четвертого (дети мещан и лиц, вышедших из податных сословий) через 12 лет. Главному герою повести Н. С. Лескова «Детские годы» (1874 г.) пророчат такое начало карьеры: «Вам будет двадцать пять лет... и вы будете чином коллежский регистратор, это еще чуть-чуть не китайский император: с такими началами черт бы ее побрал, госпожу службу!». [*Лесков Н. С.* Детские годы, 34].

Сроки выслуги для получения первого чина по табели о рангах были установлены для тех, кто не окончил какого-либо учебного заведения. Те же, кто оканчивал университеты или семинарии сразу же по вступлению на службу получали классный чин¹⁵.

Взятого на службу человека, еще не имеющего чина, сажали на должность переписчика. В «Былом и думах» А. И. Герцен описывает начало своей деятельности в Вятке, куда он приехал в 1835 г.:

- ...забыл спросить, как вы пишете?
- Я сразу не понял.
- Ну, то есть почерк.

[*Герцен А. И.* Былое и думы. I, 14].

Такому же «экзамену на почерк» подвергается молодой провинциал Александр Адуев, приехавший в конце 1830-х гг. в Петербург, чтобы делать карьеру [*Гончаров И. А.* Обыкновенная история. III, 2]. Приехавшему в Петербург герою романа «Идиот» (1868) Ф. М. Достоевского князю Мышкину генерал Епанчин также устраивает экзамен на почерк. «Смейся, смейся, – говорит он Гане Иволгину, видя красивый почерк обедневшего аристократа, – а ведь тут карьера» [*Достоевский Ф. М.* Идиот. III]. После этого он обещает устроить Мышкина писцом с хорошим окладом. В рассказе А. П. Чехова «Восклицательный знак» (1885 г.) Перекладин прямо говорит: «Да у нас никакого образования не требуется, пиши правильно, вот и все...». Впрочем, заниматься переписыванием документов можно было и «в чинах». Пример этому – герой повести Н. В. Гоголя «Шинель» (1839 г.) титулярный советник (IX ранг)

¹⁵ *Зайончковский.* 1978. С. 34–35.

Акакий Акакиевич Башмачкин, упомянутый Перекладин – коллежский секретарь (X ранг). Составление документов (а не переписывание их) было более ответственным делом и далеко не всем оно было под силу. Акакий Акакиевич, например, так и не сумел «переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье... С тех пор оставили его навсегда переписывать».

Начиналась служебная лестница с *коллежского регистратора*. Для производства в первый чин (XIV класса) требовалось сдать экзамен в объеме программы уездного училища. В рассказе Чехова «Экзамен на чин» (1884 г.) старика Фендрикова, прослужившего 21 год на почте, заставляют сдать экзамен на первый классный чин – коллежского регистратора. Несмотря на слабые ответы, чин ему дан, но Фендриков терзается тем, что зря выучил стереометрию, которой в программе вовсе и не оказалось. Чин XIV класса был равен армейскому чину прапорщика (до 1884 г.). Как и другие чины, он давал свободу от телесных наказаний и должен был бы ограждать от рукоприкладства. Недаром, его называли: «Чин не бей меня в рыло» Однако это название далеко не всегда соответствовало действительности, что отражено в рассказе Н. С. Лескова «Смех и горе», в котором речь идет о самом начале XIX в.:

– Так ты даже не читал (имеется в виду подорожную – В. Б.)? Ты даже не знаешь, кто я? А небось ты четырнадцатым классом, каналья, пользуешься?

– Пользуюсь, вашевысокопревосходительство.

Оплеуха.

– Чин: «не бей меня в рыло» имеешь?

– Имею-с.

– Избавлен по закону от телесного наказания?

– Избавлен-с.

– Так вот же, не уповай на закон! Не уповай!

И посыпались пощечины за пощечиной; летели они градом, дождем, потоком; несчастный смотритель только что поднимался, как, падал снова на пол».

[Лесков Н. С. Смех и горе. VII].

Литературные герои, носящие этот чин, – выходцы «из низов» (подобно чеховскому Фендрикову). Многие из них оставались в этом чине всю жизнь, в частности герой пушкинского «Станционного смотрителя» (1831 г.) Самсон Вырин. Для детей состоятельных родителей чин коллежского регистратора, как первая ступень служебной лестницы, был коротким жизненным эпизодом: давая Хлестакову чин коллежского регистратора, Н. В. Гоголь желал подчеркнуть молодость и несолидность своего героя и тем самым недалекость уездных чиновников, поверивших «Сосулке, тряпке... вертопраху». Слуга Осип презрительно отзывается о своем хозяине: «Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой!». Гоголь подметил одну любо-

пытную черту: сложное название народ переиначил в презрительное Елистратишка (Елистрат – просторечная форма имени Евстрат).

Выслуга между XIV и XII рангами (предусмотренные «Табелью о рангах») гражданские чины XIII класса к концу XVIII в. практически вышли из употребления) составляла 3 года. Следующим чином после коллежского регистратора был *губернский секретарь*, соответствовавший армейскому чину поручика. Чин также не пользовался уважением (вспомним слова Уланбековой). Герой повести В. А. Соллогуба «Тарантас» (1840) чиновник XII класса в отставке жалуется на Москву: «...Здесь только что спрашивают, какой у тебя чин. Скажешь: губернский секретарь – никто на тебя и смотреть не хочет» [Соллогуб В. А. Тарантас. 1]. В общественном мнении этот чин вполне достижим даже для непривилегированных сословий. В одном из рассказов Лескова священник отзывается о губернном секретаре: «Чинишко паршивый»¹⁶. Сыну священника, не окончившему какого-либо учебного заведения его можно было достичь за семь лет службы, а окончившему – за три.

Для производства из XII класса в X (чин XI класса – корабельного секретаря – быстро вышел из практики) требовалась выслуга также в три года. Следующий за губернным секретарем чин – *коллежский секретарь*, соответствовал армейскому штабс-капитану. Чин этот давался по окончании высших учебных заведений. Его присвоили Пушкину по окончании Лицея в 1817 г., с него он и начал служить у Инзова, Раевского, а потом у Воронцова, пока в 1824 г., отправленный в ссылку, не был «отставлен от службы». Пушкин писал о Воронцове: «Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думал о себе что-то другое». И в этом он был прав: Коробочка в «Мертвых душах» (1835–1841) именуется коллежской секретаршей (т.е. она была вдовой коллежского секретаря), аферист Кречинский в «Свадьбе Кречинского» Сухова-Кобылина (написана в 1854 г.) представляется коллежским секретарем. В обывательском сознании этот чин ассоциировался с началом продвижения по службе. Герой рассказа Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (написан в 1882–1886 гг.) вышел из Училища правоведения «десятым классом» (как раз коллежским секретарем), а умер тайным советником, т.е. за свою карьеру продвинулся на семь рангов. Несоответствие самомнения с представлениями окружающих высмеивается в рассказе Чехова «Новая дача» (1903): «У него на фуражке кокарда, говорит и кашляет он, как очень важный чиновник, хотя состоит только в чине коллежского секретаря, и когда мужики ему кланяются, то он не отвечает».

---

¹⁶ Федосюк. 2001. С. 95.

Закончить службу в этом чине означало прервать служебную карьеру на полдороге или не иметь никаких способностей для дальнейшего продвижения. До коллежского секретаря дослужился гончаровский Обломов (роман «Обломов» написан в 1859 г.), после чего ушел в отставку. Герой другого романа Гончарова «Обрыв» (1869) Райский, не сделавший ни военной, ни гражданской карьеры, значится «отставным коллежским секретарем». Герой рассказа «Помещик» (издан в 1886 г.) из «Мелочей жизни» Салтыкова-Щедрина «как вышел из заведения коллежским секретарем, так и теперь коллежский секретарь».

Производство из X класса в IX также осуществлялось через три года. Чин *титулярного советника* равен армейскому капитану и соответствует IX классу. В «Записке одного молодого человека» (1840–1841) А. И. Герцен приводит забавный случай. Выпускник университета, вступивший на службу с чином титулярного советника, оказался в обществе, где были в том числе «какой-то старик подслепый, с Анной в петлице нанкового сюртука, отставленный член межевой конторы; какая-то бледная семинарская фигура с тем видом решительного идиотизма, который мы преимущественно находим у так называемых «ученых», – и в самом деле, это был учитель малиновской гимназии» [Герцен А. И. Записка одного молодого человека. Гл. Патриархальные нравы города Малинова]. И тот и другой оказались в чине IX класса. Между ними тремя состоялся следующий разговор:

Межевой член, поднося мне табатерку, спросил:

– ...ежели смею спросить, имеете чин?

– Титулярный советник.

– Боже мой! – сказал он с видом глубокого оскорбления. – Я думаю, вы не родились, а я уже был помощником землемера при генеральном межевании, – и мы в одном чине! Хоть бы при отставке дали ассессора! Един бог знает мои труды! Да за что же вас произвели в такой ранг?

Мне было немножко досадно; однако, уважая его лета, я ему объяснил университетские права. Он долго качал головою, повторяя:

– И служи после этого до седых волос!

В то время, когда участник генерального межевания страдал от университетских прав, учитель гимназии принял важный вид и самодовольно заметил, что и он, на основании права лиц, окончивших курс в одном из высших учебных заведений, состоит в девятом разряде, протянул мне руку, как гражданин *reipublicae litterarum* своему согражданину.

Таким образом, титулярными советниками могли стать «подслеповатые старики с Анной в петлице», десятилетия отдавшие службе, и только начинающие карьеру молодые люди. До 1845 г. чин титулярного советника был последним перед чином, который давал право на потомственное дворянство (после 1845 г. эта планка стала еще выше), поэтому на пути к

нему лежала незримая преграда, преодолеть которую недворянину было крайне трудно. Большинство титулярных советников навеки оставались в этом чине, не рассчитывая на большее (как пожилой собеседник Герцена); их называли «вечными титулярными советниками», а насмешливо – шулярами или титуляшками. Фигуры «безродных» титулярных советников, бедных и забытых, в литературе встречаются часто: гоголевский Башмачкин («Шинель») ¹⁷, отставной пристав Поярков в одноименной повести П. И. Мельникова-Печерского (1857), Макар Девушкин в «Бедных людях» (1846), Мармеладов в «Преступлении и наказании» (1865–1866) Достоевского. Иного плана титулярный советник Федор Павлович – отец братьев Карамазовых (1881): как потомственный дворянин и богатый человек за службу он не держался. Но среди литературных персонажей, имеющих чин титулярного советника, есть едва ли не самый положительный представитель литературного чиновничьего мира – доктор Дымов, центральный персонаж «Попрыгуньи» (1891) А. П. Чехова. Ко всем чиновникам с XIV по IX класс, то есть начиная с коллежского регистратора и кончая титулярным советником, следовало обращаться «ваше благородие» ¹⁸.

Получить чин VIII класса, *коллежского асессора*, после IX класса для дворян можно было через четыре года, для недворян – через 12 лет. Чин был равен армейскому майору, и его привлекательность заключалась в том, что до 1845 г. он давал право на получение потомственного дворянства. В комедии Гоголя «Ревизор» (1836) коллежский регистратор Хлестаков говорит: «Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем» – тем самым он выдает, что коллежский асессор для него мечта (другое дело, что ослепленные величием ревизора чиновники этого не заметили). Герой стихотворения Некрасова «Чиновник» (1844), выходец из духовного звания ¹⁹,

Питал в душе далекую надежду
В коллежские асессоры попасть, –

¹⁷ Про него Н. В. Гоголь так и пишет: «он был, что называют, вечный титулярный советник, над которым, как известно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться» [Гоголь Н. В. Шинель. 1].

¹⁸ В работе Ю. С. Степанова рассмотрена система обращений к чиновникам разного ранга: Степанов. 2004. С. 762–769.

¹⁹ Из духовного звания происходил и писатель Н. С. Лесков, чей отец «пресек свою духовную карьеру тотчас же по окончании курса наук в Севской семинарии». «По происхождению я принадлежу к потомственному дворянству Орловской губернии, но дворянство наше молодое и незначительное: приобретено моим отцом по чину коллежского асессора». [Лесков Н. С. Автобиографическая заметка // Лесков Н. С. Собр. соч. в 11 т. Под общей ред. В. Г. Базанов и др. Т. 11. М., 1958. С. 7].

Затем, что был он крови не боярской
И не хотел, чтоб в жизни кто-нибудь
Детей его породой семинарской
Осмелился надменно попрекнуть.

После указа 6 августа 1809 г. для его получения требовался университетский или лицейский диплом, либо сдача соответствующего экзамена: «Между титулярным советником и коллежским асессором разверзалась бездна, мостом через которую служил какой-то диплом» [Гончаров И. А. Обломов. I, 9].

Пушкин в лицейском стихотворении «Товарищам» (1817 г.) писал:

Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в асессора²⁰.

Чтобы получить чин асессора многие, наверное, действительно «ползли», униженно выслуживаясь. Недаром, этот чин выхлопотал Фамусов Молчалину (1824 г.), девиз которого был «всем угождать».

Примечательно, что с присоединением к России Грузии правительство, желая создать здесь надежный административный аппарат и привлечь молодых чиновников, облегчало для них продвижение в коллежские асессоры. В «Путешествии в Арзрум» (1829 г.) Пушкин пишет: «Молодые титулярные советники приезжают сюда за чином асессорским, толико вожделенным» [Путешествие в Эрзрум, 2]. О «грузинских асессорах», применительно к 1810-м гг., пишет Н. С. Лесков в неоконченном романе «Захудалый род»: «В деревнях оставались отслужившие израненные воины двенадцатого года или так называвшиеся тогда “грузинские асессоры”, то есть новые дворяне, получавшие в Грузии асессорские чины по сокращенному сроку и приобретающие затем мелкопоместные имения» [Захудалый род. II, 4]. «Кавказским коллежским асессором» является Ковалев, герой гоголевской повести «Нос» (1833–1835 гг.). Для придания себе большего благородства, он никогда не называл себя просто коллежским асессором, но всегда майором.

Для получения VII класса, требовалась выслуга в 5 лет. *Надворный советник* – чин равный подполковнику. Для потомственных дворян он считался почетным. Начальник отделения в «Записках сумасшедшего» (1834 г.) Гоголя – в чине надворного советника, по поводу чего Поприщин пишет: «Велика важность надворный советник... Я разве из каких-нибудь разночинцев, из портных или из унтер-офицерских детей? Я дворянин. Погоди, приятель! будем и мы полковником... Достатков нет – вот

---

²⁰ Кстати в этом стихотворении мы видим, что на обывательском уровне военные чины ценились выше гражданских. Пушкин уравнивает чин капитана (IX класса) и коллежского асессора (VIII класса).

беда»; то есть Поприщин считает, что чин надворного советника почетен лишь для разночинцев, для себя он ждет не меньше полковника.

В литературе надворные советники – лица мало приятные. Герой «Женитьбы» (1833 г.) Гоголя надворный советник Подколесин считает, что «уж как ты там себе не переворачивай, а надворный советник тот же полковник, только разве что мундир без эполет» [Гоголь Н. В. Женитьба. I, 3]. Он преувеличивает: не полковник, а только подполковник. Забавно, что неграмотная сваха называет его «придворным советником». Другой гоголевский надворный советник, уездный почтмейстер Шпекин, в «Ревизоре» забавляется чтением чужих писем... Забавную деталь находим в «Трех сестрах» (впервые напечатана в 1901 г.) Чехова. Муж Маши Кулыгин представляется подполковнику Вершинину: «Кулыгин, учитель здешней гимназии. Надворный советник» [Чехов А. П. Три сестры. I]. Тем самым он явно подчеркивает их служебное равенство.

Из VII класса в VI попасть можно было тоже только через 5 лет. *Коллежский советник* – чин VI класса, равный армейскому полковнику. Его трудно достичь недворянину, но для дворянина чин не очень значимый. Недаром, гончаровский Александр Адуев его достигает в конце романа с говорящим названием – «Обыкновенная история» (1848 г.), то есть получение этого чина людям благородного происхождения – *обычное* дело. Впрочем, обедневшие дворяне охотно стремились к этому чину: он восстанавливал их положение на социальной лестнице. Так, Чичиков, которому от отца досталось только двое крепостных, представлял бы мало интереса губернскому чиновному миру, если бы не был коллежским советником. В начале 1850-х гг. сын управляющего именьями неких графов Курнатовский становится желанным женихом, так как состоит обер-секретарем в сенате, «коллежский советник, и Станислав на шее» [Тургенев И. С. Накануне. XXII]. Вообще, литературные персонажи, носящие этот чин, как правило, – карьеристы. В пьесе Тургенева «Нахлебник» (1849) выведен 32-летний коллежский советник Елецкий, петербургский чиновник – «человек дюжий, не злой, но без сердца». Достигает чин коллежского советника и герой пьесы «Дело» (1861) А. В. Сухова-Кобылина беспринципный карьерист Тарелкин.

К чиновникам VIII-VI классов (коллежским ассессорам, надворным и коллежским советникам) следовало обращаться «ваше высокоблагородие». Андрей Прозоров, член земской управы («Три сестры» Чехова), обижается, когда сторож говорит ему «Андрей Сергеевич», а не «ваше высокоблагородие». Тогда Феропонт титулует его «ваше высокоблагородие» (т.е. производит его в статские советники). И герой «Крыжовника» Че-

хова отставной чиновник Чимша-Гималайский, став помещиком, «очень обижался, когда мужики не называли его ваше высокоблагородие».

Достичь чина V класса было трудно, так как для этого, кроме выслуги (в 4 года), требовалось: 1) свидетельство о том, что представленный чиновник, по крайней мере, 10 лет служил с ревностью и усердием; 2) что, по крайней мере, занимал соответствующую должность²¹.

Статскому советнику, чину V класса соответствовал отмененный в 1797 г. чин бригадира (в Табели о рангах находился между полковником и генерал-майором). В комедии Фонвизина «Бригадир» (1769) Советник говорит Бригадиру: «Мы равны почти во всем. Ты, любезный друг и сват, точно то в военной службе, что я в статской» [*Фонвизин Д. И.* Бригадир. I, 1]. В этом чине была основная масса высших губернских чиновников и руководителей департаментов. Таков, например, грибоедовский Фамусов²². С 1845 по 1856 г. чиновник, получивший этот чин, мог претендовать на потомственное дворянство. Чин статского советника считался очень почетным, и достигали его в основном дворяне по происхождению (или дети личных дворян). Отделившийся от лица Ковалева и заживший самостоятельной жизнью нос в повести Гоголя на три чина превзошел своего обладателя: «Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считался в ранге статского советника». В этом явная ирония. Сам Ковалев, как мы помним, был «кавказским коллежским асессором». Для него это был предел. Его же нос «стартовал» по службе с чина коллежского асессора, поэтому и смог продвинуться так далеко. Во второй части «Мертвых душ» коллежский советник Чичиков задумывается о женитьбе и о прибавлении к чину: «Статский советник, например, чин почтенный и уважительный». В литературе также есть образы «поповичей», достигших чина статского советника. Это незадачливый сослуживец Чичикова, с которым они не поделили «какую-то бабенку, свежую и крепкую, как ядреная репа», и Гедеоновский, герой «Дворянского гнезда» (1859) И. С. Тургенева.

Как отмечает Ю. А. Федосюк: «Целая галерея статских советников предстает перед читателем классической русской литературы. Но характерно: этот высокий чин не дает людям счастья, не делает их значительными. Среди них – разбогатевший чиновник Потрохов в пьесе Островского “Трудовой хлеб”, выходец из поповичей Гедеоновский в

²¹ Зайончковский. 1978. С. 36.

²² Цимбаева. 2005. С. 38.

“Дворянском гнезде” Тургенева, судейский чиновник Сорин в “Чайке” Чехова, инженер Бахромин в рассказе Чехова “Открытие”. И совсем уж жалким выглядит замученный “дачный муж” Толкачев в чеховской шутке “Трагик поневоле”²³.

К статским советникам, чиновникам V класса, следовало обращаться «ваше высокородие» (именно так, как сторож Феррапонт, извиняясь, назвал чеховского Андрея Прозорова).

Чиновников высших четырех классов, начиная с *действительного статского советника*, часто называли штатскими (статскими) генералами. Именно статские генералы являются персонажами сказки Салтыкова-Щедрина «Как один мужик двух генералов прокормил» (1869). Гневышова – отставного действительного статского советника в комедии Островского «Богатые невесты» (1875) – действующие лица за глаза величают генералом. Важный человек, которому в рассказе Чехова «Смерть чиновника» (1883) Червяков, чихнув, обрызгал лысину в театре, именуется «*статским генералом*». Персонажей с этими чинами в литературе не так много. Как правило, это второстепенные персонажи.

Чин действительного статского советника – IV класса – был равен генерал-майору в армии. С 1856 г. давал право на потомственное дворянство. Но достигнуть его недворянину было практически невозможно. Так, в 1903 г. основная масса губернаторов имела чин действительного статского советника, при этом все они – потомственные дворяне²⁴. «Дядюшка», Петр Адуев, в «Обыкновенной истории» Гончарова к концу романа становится действительным статским советником. В этом же чине – Виктор Каренин в драме Л. Толстого «Живой труп» и герой рассказа Чехова «Пассажир первого класса» талантливый инженер-мостостроитель Крикунов, который сокрушается, что, несмотря на все заслуги и чин действительного статского советника, никто его не знает.

Тайный советник, чин III класса, – очень высокий чин. «Литературные» тайные советники – важные государственные люди. Сановник, реакционер Сипягин в романе Тургенева «Новь» имеет чин тайного советника. Этот же чин носит видный ученый-медик, профессор университета, герой «Скучной истории» Чехова. Даже шутки в отношении лиц подобного ранга не приветствуются. Так, в юмореске Чехова некто Правдолюбков выговаривает карикатуристу Упрямову, нарисовавшему проворовавшегося тайного советника: «Да знаете ли вы, милостисдарь, что тайный советник соответствует в армии генерал-лейтенанту?». Тай-

²³ Федосюк. 2001. С. 101.

²⁴ Зайончковский. 1978. С. 214.

ный советник – практически предел чиновной службы. Прожив пустую, никому не нужную жизнь, герой рассказа Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» умирает в высоком чине тайного советника. Герой юморески Чехова «Тайный советник» – жалкий, невзрачный старичок.

К действительным статским и тайным советникам следовало обращаться «ваше превосходительство». В рассказе Тургенева «Старые портреты» кучер называл седока, который оказался тайным советником, «ваше благородие», и тот выговорил ему: «...знай, что я превосходительство, а не благородие».

Действительные тайные советники и канцлеры (чины табели о рангах, II и I класса) в русской литературе не встречаются. «Действительных советников в России было немного, все наперечет, канцлеров же за всю историю – одиннадцать, причем в каждый исторический период – всего один. Поэтому в художественных произведениях ни те, ни другие не отражены, дабы читатели не искали прототипов. Исключения составляют исторические романы, где высшие сановники выводятся прямо, как реальные личности, под собственными именами»²⁵.

К действительным тайным советникам и канцлерам следовало обращаться «ваше высокопревосходительство».

* * *

Мы видим, что литературные произведения во всех нюансах отразили чиновничью лестницу императорской России. Исходя из этого можно констатировать, что они, во-первых, дают системную информацию об объекте изучения. Чиновничья система, оформленная Табелью о рангах, оказалась адекватно отражена в литературных произведениях. На страницах классической литературы действуют не только чиновники всех 14 рангов, но показана субординация между ними, принятая система общения и т.д.²⁶. Во-вторых, литературные источники дают возмож-

---

²⁵ Федосюк. 2001. С. 103.

²⁶ В доказательство этому можно привести еще один пример. Так в 1859 г. П. И. Вайнбергом было написано стихотворение «Он был титулярный советник, он генеральская дочь...». Сюжет его заключался в том, что генеральская дочь не могла выйти замуж за безродного титулярного советника. Так до 1845 г. право на потомственное дворянство давал следующий за титулярным советником чин – коллежского асессора, а с 1856 г. эта планка еще дальше повысилась. Таким образом, молодой титулярный советник до 1845 г. мог гордиться своим чином и в обозримом будущем мог проникнуть в благородное сословие. После 1856 г. чин этот окончательно утратил свое общественное значение. Соответственно, пример со стихотворением Вейнберга в контексте других произведений показывает, что литература фиксирует не только саму систему, но и различные изменения ее.

ность проследить взаимосвязь объективных и субъективных факторов²⁷. Например, негативное отношение к нижним чинам происходит от того, что они довольно доступны лицам непривилегированных сословий. Чинопочитание в отношении лиц высоких рангов происходит от того, что они всегда принадлежат к привилегированному сословию. Литературные произведения позволяют также рассматривать исторические явления и процессы на конкретном материале и при этом «не переходить на личности». Историк, анализируя те или иные поступки (включая негативные) литературного героя как исторического типа, не затрагивает реальных людей, действовавших в прошлом. Сделанные наблюдения позволяют дальше углубиться в рассмотрение литературных образов чиновничества как конкретных исторических типов.

Следует отметить, что в дореволюционной России было не столь важным, какой чин имел чиновник, главное – какое место он занимал. Именно оно обеспечивало значительную часть дохода. Как показала Е. Н. Цимбаева, грибоедовский Фамусов (1824) находится накануне разорения, пытается выдать замуж дочь за «золотой мешок» сомнительного происхождения и... «держится за жалование, а еще более за всякие выгоды, связанные с должностью»²⁸. В «Ревизоре» судья Тяпкин-Ляпкин служит, чтобы иметь возможность получать борзых щенков в качестве взяток, городничий – наживаться за счет купцов... Все представители бюрократического аппарата пользуются своим положением в корыстных (в первую очередь, меркантильных) целях.

Злоупотребления зависят от чиновничьего ранга. Отец тургеневского Недопюскина из «Записок охотника» (1852 г.), как бедный чиновник, был «добрый и честный, а брал взятки – “по чину” – от гривенника до двух целковых включительно» [Тургенев И. С. Чертопханов и Недопюскин]. Титулярный советник Поярков пугал неграмотных крестьян необходимостью отдачи их детей в Горыгорецкую школу в Могилевской губернии, утверждая, что «эта губерния за Сибирью, на самом краю света, ...и вся-то она, братец состоит в могилах, ... а на тех на могилах гора, и на той горе школу, ... завели... Крестьянских ребятишек там ко всякому горю приобучают: оттого и прозвана “на горе горецкая школа”». Крестьяне и рады были откупиться от такой напасти. При этом сам Поярков утверждал, что «нет ничего прибыльней, как раскольники. Народ уж такой: обижаются даже на того, кто не берет. Кто

---

²⁷ Этот вывод был сделан нами при рассмотрении литературных произведений в качестве источников по истории дворянского сословия. См.: Богданов. 2010.

²⁸ Цимбаева. 2005. С. 38.

взял, на того надеются, что не выдаст и все по-ихнему сделает; а кто не взял, того боятся, притеснителем обзывают, и пронесут имя его, яко зло – до самых высоких степеней...» [*Мельников-Печерский П. И.* Полярков].

Но крупные чиновники были не лучше. Похоже, что привычка, приобретенная в нижних чинах, переходит и в службы в более крупном ранге. Именно об этом вспоминает пожилой чиновник Юсов в «Доходном месте» (1857 г.) А. Н. Островского: «Меня, сударыня, – давно уж это было, привели в присутствие в затрапезном халатишке, только что грамоте знал — читать да писать... <...> Года два был на побегушках, разные комиссии исправлял: и за водкой-то бегал, и за пирогами, и за квасом, кому с похмелья, и сидел-то я не у стола, не на стуле, а у окошка на связке бумаг, и писал-то я не из чернилицы, а из старой помадной банки. А вот вышел в люди. Конечно, все это не от нас...свыше...знать, уж так надобно было мне быть человеком и занимать важный пост. <...> Да-с, имею теперь три домика...» А ранее: «Взятки? Взятки что-с... <...> Ты возьми, так за дело, а не за мошенничество. Возьми так, чтобы и проситель был не обижен и чтобы ты был доволен. Живи по закону; живи так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Что за большим-то гоняться! Курочка по зернышку клюет, да сыта бывает» [*Островский А. Н.* Доходное место. I, 3; II, 4]. Впрочем, насчет того, чтобы «взять за дело, а не за мошенничество» (как об этом говорит Юсов), – вещь относительная. Так А. И. Эртель в романе «Гарденины» описывает случай из чиновничьей жизни второй половины XVIII в.:

Юрию Николаевичу пожаловала царица тридцать тысяч десятин ненаселенной земли вот в этих местах. Заметь себе: ненаселенной, – в этом вся штука. Ну, Юрий Николаевич и послал братца выбрать. Тот выбрал честь с честью, обозначил грань, обозначил, где быть усадьбе, куда крестьян поселить, и поехал в Воронеж. Туда-сюда, приказные говорят: «Дай тысячу рублей». Он – брату: так, мол, и так. Юрий Николаич гордый был человек, самостоятельный, одно слово – гвардеец: «Знать, говорит, не хочу. Как, говорит, чтобы царица жаловала, а разная тварь издевается? Ни копейки!» – и собственноручно пишет письмо наместнику: так, мол, и так, вот что у тебя делается. Ну, сколько времени прошло, приходит из Воронежа донесение – в сенат там, что ли: «Гарденину-де пожаловано тридцать тысяч ненаселенной земли, а в тех де местах столько пустопорожней земли не оказывается: сидят села вольных однодворцев и землю пашут. А ест-де по реке Гнилуше семь тысяч, да оттолева в пятнадцати верстах тысяча десятин и та земля свободна». Что такое значит? Юрий Николаевич к брату: «Поезжай, узнай». Тот в Воронеж: что такое? почему? какие однодворцы? А крапивенное семя только зубы скалит: «Пожалели, мол, тысячи рублей – двадцать две тысячи десятин и уплыли промеж пальцев». Что же они, разбойники, придумали: в какой-нибудь год собрали три села и посадили на Битюке! И откуда – никто не знает. Вон красуются, все на кровной гарденинской земле. – Что же, папенька, царица-то неужто не велела отобрать?

– Дурак! Разве она может против закона? Нет пустопусторожней земли – и нет. Она уж ему в Полтавской губернии тысячу душ пожаловала в отместку
[Эртель А. И. Гарденины. I, 3].

Так хитроумные чиновники решили проучить того, кто не захотел «подмазать» чиновную машину. Воспользовавшись тем, что, в конечном счете, от них, а вовсе не от императрицы, зависит наделение заслуженного военного землей, они пытались получить от него «отступное». Не получив желаемого, они лишают Гарденина заслуженной награды.

Чиновники также требуют соответствующего вознаграждения, чтобы дело шло быстрее²⁹. Помещик Харлов, герой повести Тургенева, действие которой разворачивается в конце 1820-х – начале 1830-х гг., составляя раздельный акт своего имения, сам не пил, не ел, но в скором времени «и палата утвердила, и уездному суду предписано, и временное отделение земского суда... ох!.. к прибытию назначено». Денег на это, по его собственному признанию, не жалел [Тургенев И. С. Степной король Лир. X]. И в конце XIX в. помещик Волдырев герой рассказа Чехова «Справка» (1883) так и не мог добиться внимания чиновника, чтобы «навести справку... и взять копию с журнального постановления от второго марта», пока не положил перед ним три рубля. Зато после этого «он дал справку, распорядился, чтобы написали копию, подал просящему стул – и все это в одно мгновение. Он даже поговорил о погоде и спросил насчет урожая. И когда Волдырев уходил, он провожал его вниз по лестнице, приветливо и почтительно улыбаясь и делая вид, что он каждую минуту готов перед просителем пасть ниц».

Чтобы иметь возможность всегда быстро решать свои дела, некоторые дальновидные люди постоянно кормили чиновников. Так, у княгини Протозановой в конце 1810-х гг. губернские и уездные чиновники были «на пайке» и ее поверенный вел безотчетные расходы по выдаче им «наград» [Лесков Н. С. Захудальный род... I, 13].

Четче всех механизм чиновничьих злоупотреблений в конце 1810-х – начале 1820-х гг. выведен у Гоголя. Председатель казенной экспедиции, предупреждая Чичикова, «чиновным вы никому не давайте ничего, об этом я вас прошу. Приятели мои не должны платить», выдает обычную практику. Все чиновники присутственного места должны поживиться за счет просителя (впрочем, еще до этого распоряжения некто

²⁹ Впрочем, в этой черте можно видеть отголосок патриархальных представлений о том, что чиновника *надо кормить*, происходящий из-за узаконенной в XVI в. системы кормлений и традиционно невысокого жалованья в последующее время. Даже в XIX в. крестьяне иногда платили чиновникам годовые оклады, раскладывая необходимую сумму на сходах по душам. См.: Миронов. 1999. Т. 2. С. 165.

Иван Антонович, со «свиным рылом», успел выманить у Чичикова асигнацию, чтобы только пропустить его к председателю)³⁰. Кроме того, приятели председателя пользуются особым почетом: им платить не надо. Дальше произошло самое интересное: «известный Иван Антонович управился весьма проворно: «крепости были записаны, помечены, занесены в книгу и куда следует, с принятием полупроцентových и за припечатку в «Ведомостях», и Чичикову пришлось заплатить самую малость. Даже председатель дал приказание из пошлинных денег взять с него только половину, а другая, неизвестно каким образом, отнесена была на счет какого-то другого просителя». Итак, приятели председателя могут не только не давать чиновникам взяток, но и платить государственные подати в меньшем количестве! Недостающие суммы можно взыскать с других просителей. Чуть дальше оказывается, что и полицмейстер в городе N – настоящий чудотворец: «ему стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного ряда или погребца, так мы, знаете ли, так закусим» [*Гоголь Н. В. Мертвые души. 7, сер.*] В этом плане полицмейстер оказался родственная душа Городничему из «Ревизора» (1836 г.). Кушцы на него жалуются: «Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. <...> Если бы, то есть, чем-нибудь не

---

³⁰ Вспомним, что такой же порядок завел в своем ведомстве и сам Чичиков: «Дело устроено было вот как: как только приходил проситель и засовывал руку в карман, с тем чтобы вытащить оттуда известные рекомендательные письма за подписью князя Хованского, как выражаются у нас на Руси: «Нет, нет, – говорил он с улыбкой, удерживая его руки, – вы думаете, что я... нет, нет. Это наш долг, наша обязанность, без всяких возмездий мы должны сделать! С этой стороны уж будьте покойны: завтра же все будет сделано. Позвольте узнать вашу квартиру, вам и заботиться не нужно самим, все будет принесено к вам на дом». Очарованный проситель возвращался домой чуть не в восторге, думая: «Вот наконец человек, каких нужно побольше, это просто драгоценный алмаз!» Но ждет проситель день, другой, не приносят дела на дом, на третий тоже. Он в канцелярию, дело не начиналось; он к драгоценному алмазу. «Ах, извините! – говорил Чичиков очень учтиво, схвативши его за обе руки, – у нас было столько дел, но завтра же все будет сделано, завтра непременно, право, мне даже совестно!» И все это сопровождалось движениями обворожительными. Если при этом распахивалась как-нибудь пола халата, то рука в ту же минуту старалась дело поправить и придержать полу. Но ни завтра, ни послезавтра, ни на третий день не несут дела на дом. Проситель берется за ум: да полно, нет ли чего? Выведывает; говорят, нужно дать писарям. «Почему ж не дать? Я готов четвертак, другой». – «Нет, не четвертак, а по беленькой». – «По беленькой писарям!» – вскрикивает проситель. «Да чего вы так горячитесь? – отвечают ему, – оно так и выйдет, писарям и достанется по четвертаку, а остальное пойдет к начальству». Бьет себя по лбу недогадливый проситель и бранит на чем свет стоит новый порядок вещей, преследование взяток и вежливые, облагороженные обращения чиновников» [*Гоголь Н. В. Мертвые души. 11*].

уважали его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платье супружнице его и дочке - мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего этого мало – ей-ей! Придет в лавку и, что ни попадет, все берет. Сукна увидит штуку, говорит: “Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мне”. Ну и несешь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят <...> Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Если Городничего не уважить, то он “наведет к тебе в дом целый полк на постой”» [Ревизор. IV, 10].

Обращает на себя внимание тот факт, что не только коронные чиновничьи, но и выборные общественные должности предоставляют возможность для обогащения. Так в комедии «Завтрак у предводителя» (1846) И. С. Тургенев намекает на механизм подобных злоупотреблений уездным предводителем дворянства (пост этот, хотя и приравнивался к V рангу по Табели, но не оплачивался). Действующего предводителя упрекают том, что он якобы решает вопрос о наследовании в пользу одного из соискателей с расчетом затем у него купить за бесценок лес. Тем самым становится понятным, что посреднические функции (в частности, при решении родственных споров) могут быть использованы как возможность получения материальных благ. Великие реформы Александра II положили начало органам самоуправления: земствам и городским думам. Оказывается, и они были заражены типичной для чиновничества болезнью. Судя по тому, как персонаж комедии «Лес» (1870) А. Н. Островского молодой бедный дворянин Буланов стремится жениться на богатой Гурмыжской и... быть избранным на общественные должности, он желает последнего ради обогащения. Константин Левин в «Анне Карениной» (действие разворачивается в конце 1870-х гг.) прямо отказывается от участия в работе земства: «...я убедился, что никакой земской деятельности нет и быть не может... С одной стороны, играшка, играют в парламент... а с другой (он заикнулся) стороны, это – средство для уездной coterie наживать деньжонки... в виде незаслуженного жалованья» [Толстой Л. Н. Анна Каренина. I, 5]. Вирусом казнокрадства и разного рода злоупотреблений была заражена не только государственная машина, но и сами граждане этого государства, которые выбирали и выбирались в земства. Интересно, что деятели городского самоуправления не обвиняются в злоупотреблениях. Может высмеи-

ваться их тщеславность, недалекость, но не казнокрадство. Это может быть, связано с тем, что городское самоуправление было в руках наиболее состоятельных слоев населения – предпринимателей.

Еще одна интересная черта подмечена русской литературой. В середине XIX в. чиновничьи махинации нередко совершались ради «прекрасных дам». Так крупный чиновник Вышневецкий, персонаж «Доходного места» (1857) А. Н. Островского, пытается таким образом купить расположение своей молодой жены: «Я купил вам в нынешнем году подмосковную. Знаете ли, что деньги, на которые я ее купил... как бы это вам сказать?... ну, одним словом, я рискнул более, нежели позволяло благоразумие. Я могу подлежать ответственности» [*Островский А. Н. Доходное место. I, 1*]. В конце века женщины уже активно вмешиваются в подобные махинации. Именно об этом говорит дядюшка, Оскар Филиппович, мужу своей племянницы Половодову в «Приваловских миллионах» (1883) Д. Н. Мамина-Сибиряка:

– Для вас прежде всего важно выиграть время, – невозмутимо объяснял дядюшка, – пока Веревкин и Привалов будут хлопотать об уничтожении опеки, мы устроим самую простую вещь – затянем дело. Видите ли, есть в Петербурге одна дама. Она не куртизанка, как принято понимать это слово, во только имеет близкие сношения с теми сферами, где...

– Короче – у нее бывают большие люди? – перебил Ляховский, нетерпеливо ежа свои острые плечи...

– Именно... Если она возьмется за это дело, тогда можно все устроить, решительно все!.. Она берет известный процент с предприятия, смотря по обстоятельствам: пять, десять... Вообще неодинаково!.. Придется, конечно, сделать небольшой авансик, пустяки – каких-нибудь пятнадцать-двадцать тысяч одновременно ... Я согласен, что двадцать тысяч довольно круглая цифра, – невозмутимо продолжал дядюшка, потирая руки. – Но зато в какой безобидной форме все делается... У нее, собственно, нет официальных приемов, а чтобы получить аудиенцию, необходимо прежде похлопотать через других дам...

– Которым тоже нужно платить!! – вскричал Ляховский, скрипя зубами.

– Да, тысячи три-четыре...

– Да за что же? за что?

– Как за что? – удивился дядюшка. – Да ведь это не какие-нибудь шлохи, а самые аристократические фамилии. Дом в лучшей улице, карета с гербами, в дверях трехаршинный гайдук, мраморные лестницы, бронза, цветы. Согласитесь, что такая обстановка чего-нибудь да стоит?..

[*Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы. II, 19*].

Как мы видим, за двести лет русское чиновничество мало изменилось. Оно как злоупотребляло своим положением в XVIII в., расценивая саму должность как дополнительный источник дохода, так и продолжало себя вести в начале XX в. Связано это было, видимо, с тем, что к началу XX в. законодательство так и не выработало норм привлечения к

ответственности за использование служебных полномочий в личных целях³¹. По злоупотреблениям чиновников, описанным в литературе, создается впечатление, что русское сознание, противящееся наживе³², охотнее мирится с неожиданно разбогатевшими нуворищами, чем с постоянно наживающимися слугами государства. Ведь образы купцов в русской литературе намного симпатичнее, а нередко даже к негативным персонажам читатель проникается уважением. Чиновничья служба была настолько неприятна, что окончивший филологический факультет Андрей Андреич в рассказе Чехова «Невеста» (1902–1903) говорит: «Отчего мне так противна даже мысль о том, что я когда-нибудь нацеплю на лоб кокарду и пойду служить?».

Но бросается в глаза одно обстоятельство: все негативные образы относятся к чиновникам русским по происхождению. Герой романа И. А. Гончарова «Обломов» Штольц, который «за надворного советника перевалил» (т.е. достиг больших чинов), – едва ли не единственный положительный чиновничий образ в русской литературе. Образы других чиновников иностранного происхождения крайне расплывчаты. Пожалуй, кроме немца-чиновника, съехавшего с того этажа, на котором жила старуха-процентщица в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского, фон Дыдырица (мужа чеховской дамы с собачкой), да и деда горьковского Барона, Густава Дебиля, занимавшего при Николае I «высокий пост», мы особо никого и не вспомним. Только в рассказе А. П. Чехова «Ушла» (1883) есть упоминание о казнокраде немце фон Трамбе: «Трамб подлец! Это такой негодяй... такой бессовестный человек! Без всяких принципов! Урод нравственный! Был у графа управляющим – нажился, теперь служит на железной дороге и ворует... Сестру ограбил...». Но в конце рассказа выясняется, что «Трамб – комашка сравнительно» с мужем негодующей женщины. А он, видимо, русский, поскольку вряд ли иностранец называл бы жену «бабенкой». Таким образом, даже если немец-чиновник ворует, то ему все равно далеко до русского коллеги! Но рассказ Чехова – беглая зарисовка, а упоминаемый в ней фон Трамб даже не появляется³³.

---

³¹ Лазаревский. 2008. С. 263–275.

³² Недаром М. Цветаева в своих воспоминаниях прямо писала: «Сознание неправды денег в русской душе невыправимо» (Цит. по: Боханов. 1989. С. 6).

³³ Примечательно, что если не в литературе, то в отечественном кинематографе есть даже положительный образ немца-чиновника; это Иван Афанасиевич Шиллер, персонаж фильма П. Лунгина «Дело о “Мертвых душах”».

Как представляется, почти полное молчание о служебных достоинствах или недостатках чиновников-иностранцев в русской литературе говорит о том, что для них привычна была сама служба, а не выгоды, связанные с занимаемым местом.

* * *

Впрочем, так ли уж чужд русскому человеку образ чиновника? Неужели в злоупотреблениях власть предержащих есть что-то антинародное, несвойственное русскому человеку?

Знаменитой стала фраза: «Воруют..», произнесенная Карамзиным в ответ на вопрос соотечественника о родине. В повести Сергея Довлатова «Чемодан» приводится следующий исторический анекдот:

«Двести лет назад историк Карамзин побывал во Франции. Русские эмигранты спросили его:

– Что, в двух словах, происходит на родине?

Карамзину и двух слов не понадобилось.

– Воруют, – ответил Карамзин...».

Этот односложный ответ, произнесенный около 1790 г. имеет аналогию с еще одним литературным высказыванием, правда чуть более позднего времени. И. А. Крылов, в басне «Купец», созданной не позднее 1830 г. (в этом году вышла 8-я книга «Басен», куда она и вошла), пишет:

Обманут! Обманул Купец: в том дива нет;

Но если кто на свет

Повыше лавок взглянет, –

Увидит, что и там на ту же стать идет;

Почти у всех во всем один расчет:

Кого кто лучше проведет,

И кто кого хитрей обманет.

Говоря о том, что «всюду и везде на ту же стать идет», Крылов оправдывает не только купца, но и другие категории населения (в частности, чиновничество), создавая своего рода коллективную ответственность за злоупотребления.

В неопубликованной сатирической пародии М. П. Погодина, относящейся к началу XIX в., чиновник молит:

Умилосердись и в ученые классы

Нас и профессоров не введи.

Нас от разорения, а *профессоров от обогащения* (выделение наше – В. Б.)

Да избежим тем все от лукавого.

О том, что «люди, дотоле известные чистотою правил бессеребрности – профессора осквернились взятками», сообщает и мемуарист Ф. Ф. Вигель³⁴.

Чичиков, сочинив купчие крепости, задумался над «мертвыми душами», которые «были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, *обманывали бар* (выделение наше – В. Б.)». О том, как крестьяне «обманывали бар», мы находим в других произведениях. В «Степном короле Лире», действие которого происходит, видимо, в 1830-е гг., зять главного героя сожалеет о незаконном выкосе крестьянами полусосьмиугольника помещьего овса и констатирует: «Правду говорят, что не верь Еськову, Беськову, Ерину, Белину (так назывались четыре окрестные деревни)» [Тургенев И. С. Степной король Лир. VIII]. Помещик Левин, герой «Анны Карениной» (действие романа разворачивается накануне русско-турецкой войны 1877–78 гг.), едва не был обманут крестьянами, которые пытались выдать ему сена меньше, чем было оговорено. При этом они ссылались на «пухлявость» сена, на то, «как оно улеглось в стогах» и т.д. [Толстой Л. Н. Анна Каренина. III, 11]. Даже попа следует «ублаготворить как следует», чтобы он дал подходящее имя (а не Филофей, как герою тургеневского рассказа «Стучит» (1873–1874))³⁵. У доктора Старцева, земского врача, героя чеховского рассказа «Ионыч» (1897–1898), в конце концов, появляется «имение и два дома в городе, и он облюбовывает себе еще третий, повыгоднее».

Таким образом, русские писатели показывают, что коррупция – это черта, характерная не только для чиновничества, но и для всего народа. Возникает вопрос, почему же именно против чиновников нацелен обличительный пафос российского общественного мнения XIX–XX вв. в целом и большинства произведений литературы в частности?

Здесь возможны два ответа.

Первый, что русская ментальность по природе своей иррациональна. Так еще С. Л. Франк в работе 1930 г. определяет русское мышление (как «антирационалистичное»)³⁶. Соответственно, государство, как носитель рационального начала, всегда должно восприниматься враждебно.

³⁴ Зайончковский. 1978. С. 32.

³⁵ Вообще, священнослужителям также досталось в русской литературе. Видимо, это объясняется тем, что священнослужитель – это тоже своего рода чиновник. Исполняя требы и ведя церковно-приходскую документацию, он становится выше окормляемой им паствы, которая оказывается от него, как и от чиновника, в административной зависимости.

³⁶ Франк. 1996.

Поэтому даже сама Табель о рангах, как олицетворение чиновничьей системы, в первую очередь в глазах интеллигенции, не пользовалась особым уважением³⁷. Отсюда и образы Городничего в «Горячем сердце» А. Н. Островского, который предлагает судить по совести, а не по закону, и фраза из фильма «12», что «русскому человеку по закону жить скучно»³⁸. Отсюда, возможно, и происходит подспудное желание отрешиться от бюрократического аппарата: мол, чиновники – «крапивенное семя». Если допустить иррациональность как основу российского мировоззрения, то невольно напрашивается вывод, что русские писатели **создавали негативные образы чиновников как некие фигуры речи.**

Второй, что русское чиновничество – **органическая часть русского социума.** Второе, как представляется, более верно³⁹. Как известно, Н. В. Гоголь, создавая первый том «Мертвых душ», хотел «показать хотя бы с одного боку всю Русь»⁴⁰ и показать российскую действительность во всей ее неприглядности. А для этого как раз и нужны были чиновничьи типы. Так главным героем становится чиновник. Он приезжает в город N и сталкивается, в первую очередь, с чиновниками и только потом уже с помещиками. В главе 11 1-го тома «Мертвых душ» Чичиков оправдывает себя тем, что: «Кто ж зевает теперь на должности? – все приобретают. Несчастливым я не сделал никого: я не ограбил вдову, я не пустил никого по миру, пользовался я от избытков, брал там, где всякий брал бы; не воспользуйся я, другие воспользовались бы. За что же другие благоденствуют, и почему должен я пропасть червем? И что я теперь? Куда я погужусь? какими глазами я стану смотреть теперь в глаза всякому почтенному отцу семейства? Как не чувствовать мне угрызания совести, зная, что даром бремени землю, и что скажут потом мои дети? Вот, скажут, отец, скотина, не оставил нам никакого состояния!». Во 2-м томе «Мертвых душ» уже

---

³⁷ Ярким примером этого может служить вышеприведенная фраза Пушкина в отношении М. С. Воронцова и своего чина губернского секретаря. Об этом же см.: Степанов. 2004. С. 762–263.

³⁸ Это примерная фраза героя А. Горбунова из фильма Н. С. Михалкова «12». Впрочем, можно вспомнить и «Горячее сердце» (1869 г.) А. Н. Островского, где городничий Градобоев предлагает горожанам судиться «по законам, или по душе, как мне бог на сердце положит». Причем на втором варианте настаивают те, кто сам пришел судиться [*Островский А. Н. Горячее сердце. III, 2*].

³⁹ Примечательно, что Н. А. Бердяев в работе «Судьба России» пытается примирить две точки зрения, выражая сущность России через антиномию: «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире», «Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире» (*Бердяев. 1990*).

⁴⁰ Фраза из письма Н. В. Гоголя А. С. Пушкину от 7 октября 1835 г.

сам Гоголь оправдывает своего героя: «Ведь всякий из нас чем-нибудь попользуется: тот казенным лесом, тот экономическими суммами, тот крадет у детей своих ради какой-нибудь приезжей актрисы, тот у крестьян ради мебели Гамбса или кареты». Стало быть, для Гоголя (и, видимо, не только для него) чиновничество и было олицетворением всего самого плохого в России, но это была Россия («хотя бы и с одного боку»⁴¹). В этом плане примечательно, что взяточник Поярков, которого за разного рода злоупотребления в конце концов сняли с должности пристава, в конце жизни становится странствующим богомольцем [*Мельников-Печерский П. И.* Поярков].

Соответственно, в онтологическом плане русский народ из своей среды постоянно выделяет тех, у кого можно найти и обличить собственные недостатки. Здесь вспоминаются рассуждения Цезаря из романа Т. Уайлдера «Мартовские иды» о театральной публике: «Театральная публика — самое нравственное из сборищ. То обстоятельство, что все эти римляне сидят вместе, плечом к плечу, словно внушает им возвышенность суждений, какой они не проявляют больше нигде. Они не колеблясь решают, хорошо или плохо ведут себя персонажи пьесы, и требуют от них тех высоких добродетелей, каких и не думают спрашивать с себя. Пандар из публики дрожит от благородного негодования, когда видит такого же сводника на сцене. Десяток проституток, сидящих рядком в театре, целомудреннее любой девственной весталки...⁴²». Чиновники поневоле оказываются на сцене (только не театральной, а политической, административной и т.д.) и в этом случае народ оказывается зрителем. Поэтому он и обличает в них свои собственные недостатки, не слишком строго борясь с ними внутри себя. Таким образом, чиновный мир необходим русскому человеку не только как проводник государственной политики, но и как возможность списать собственные недостатки на какого-то Левиафана. Возможно ли на страницах художественных произведений увидеть положительные образы русских чиновников? В дореволюционных произведениях это было невозможно, как в будущем — многое зависит от нас...

---

⁴¹ С этой точки зрения представляется справедливой критика фильма П. Лунгина «Дело о “Мертвых душах”», высказанная С. А. Никольским и В. П. Филимоновым: «нелюбовь авторов фильма к персонажам картины вызвана их абсолютным отрицанием бюрократического государства... Бюрократическое государство... — главное воплощение дьявольской силы... Это чуждо не только Гоголю, но, и в определенном смысле, несвойственно русскому миросознанию» (*Никольский, Филимонов.* 2008. С. 393).

⁴² Уайлдер. 2000. С. 248.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бердяев Н. А.* Судьба России (Опыты по психологии войны и национальности). Сборник статей 1914–1917. М.: Советский писатель, 1990.
- Богданов В. П.* Служба, хозяйственная деятельность и духовная жизнь русского дворянства XVIII – начала XX в.: художественная литература как источник по социальной истории // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2010. С. 33–46.
- Боханов А. Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989.
- Взятка как способ существования // Санкт-Петербургские ведомости. 13.03.2009. Вып. № 044.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. И-О. М., 1881.
- Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978.
- Зарубина Н. Н.* Российский предприниматель в художественной литературе XIX – начала XX вв. // Общественные науки и современность. 2003. № 1.
- Кондаков И. В.* Введение в историю русской культуры: Учебное пособие для вузов. М. Аспект Пресс, 1997.
- Лазаревский Н. И.* Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. М. ООО ИнтелБилд, 2008.
- Лесков Н. С.* Автобиографическая заметка // *Лесков Н. С.* Собрание сочинение в 11 т. Под общей ред. В. Г. Базанов и др. Т. 11. М., 1958.
- Морозов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 1, 2.
- Никольский С. А., Филимонов В. П.* Русское мировоззрение. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2008.
- Соколов А. К.* История, литература и искусство // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М.: Наука, 2004.
- Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.
- Троцкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке (формирование бюрократии). М.: Наука, 1974.
- Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта, Наука, 2001.
- Франк С. Л.* Русское мировоззрение. СПб., 1996.
- Цимбаева Е. Н.* Исторический анализ литературного текста. М.: Едиториал УРСС, КомКнига, 2005.

Богданов Владимир Павлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Межкафедральной археографической лаборатории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; vpbogdanov@gmail.com